

Изъ Казанской Окружной Лѣчебницы.

Случай эпидемическаго помѣшательства на религиозной псчвѣ ¹⁾.

Ординатора психіатрической клиники
М. М. Маевского.

Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду представить характеристику инициатора религиозно-соціального движенія, появившагося среди мусульманскаго населенія восточной Россіи, крестьянина Казанской губерніи Богаутдина В. и нѣкоторыхъ изъ его самыхъ ближайшихъ сподвижниковъ.

В., крестьянинъ деревни Молвиной Свияжскаго уѣзда Казанской губерніи, крѣпкій, бодрый, средняго роста старикъ 62 лѣтъ, впервые сталъ извѣстенъ съ 1882 года, когда онъ былъ арестованъ и преданъ суду за самовольное открытіе учебнаго заведенія безъ разрѣшенія на то правительства и мусульманскаго духовнаго правленія. Не смотря на разъяненіе инспектора народныхъ училищъ, что для открытія училища требуется разрѣшеніе властей, свидѣтельство духовнаго собранія и обязательство держать учителя русскаго языка, В. отказался повиноваться законнымъ требованіямъ и не закрывалъ училища. Въ камерѣ судебного слѣдователя онъ держалъ себя настолько странно, что потребовалось освидѣтельствованіе его умственныхъ способностей.

При допросѣ заявилъ, что онъ—садовникъ Императорскаго сада; званіе его—природный старовѣръ, старый му-

¹⁾ Доложено въ обществѣ невропатологовъ и психіатровъ при Казанскомъ Университетѣ 2 февраля 1897 г.

сультанинъ, извѣстное лицо всѣмъ народамъ міра, повѣренный Ислама, потерпѣвшій убытки, страдающій за захватъ, божьяго полка опредѣленный дистаночный начальникъ; сотрудникъ всему міру, природный духовный вѣроисповѣдникъ, свѣтлый умомъ своимъ, сословія Тюрки, вѣрноподанный монарху, лично извѣстный Его Императорскому Величеству, природный духовный, вѣры мусульманской, религіи Ханафей акзанской, секты суннитской, духовный отецъ В.; заявилъ, что онъ страдалъ и страдаетъ за интересъ Государя Императора, для его государства и державы; что онъ отъ здѣшняго начальства не имѣеть никакого вознагражденія, а только одни страданія и мытарства, которымъ подвергаетъ его это начальство. Въ поясненіе своихъ словъ В. пишетъ отзывъ на 2-хъ листахъ убористаго письма, гдѣ говоритъ, что Окружный Судъ продалъ съ аукціоннаго торго его сочиненія и проситъ этотъ судъ выдать ему справку, на какомъ основаніи продали его книги, а ему самому грозили тюрьмой и Сибирью. Это обстоятельство послужило поводомъ къ заключенію В. для испытанія умственныхъ способностей въ Казанскую Окружную лечебницу, куда онъ былъ помѣщенъ въ концѣ іюля (29) 1882 года и гдѣ пробылъ 3 мѣсяца. Свѣдѣнія о немъ за этотъ періодъ времени я передамъ выдержками изъ исторіи болѣзни.

29-го іюля. Передаеть, что Государю послалъ прошеніе, а затѣмъ телеграмму, чтобы помочь Ему во время коронаціи. Много молится Богу; говорить, что сочиняеть молитвы, которыя напечатаны уже. Написалъ по-арабски директору бумагу.

Августъ 3—6. Цѣлые дни проводитъ въ молитвѣ или чтеніи священныхъ книгъ. Если во время чтенія кто нибудь зайдетъ къ нему, то отъ книгъ не отрывается и на вошедшаго не обращаетъ никакого вниманія.

8-го. При поливкѣ водой крыши забрызгали окно комнаты В. В. заявилъ, что онъ глубоко раненъ, что потопили его комнату и орудія (книги), что онъ и безъ того глубоко раненъ. Увѣряеть, что татары сдѣлали это нарочно, такъ какъ они смѣялись. «Если они будутъ говорить, что пошутили, то я все-таки ихъ не прощу, такъ какъ мнѣ шутить некогда».

10-го. 3 дня письменно излагалъ свое дѣло; въ этомъ документѣ онъ говорить о своемъ высококомъ призваніи и о возвышенной цѣли, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Призваніе его стоять на стражѣ справедливости

и вѣры, объяснять законъ Божій и бороться противъ всякой неправды, не щадя ни состоянія, ни жизни, ни своихъ дѣтей. Себя называетъ В. дервишемъ, высокимъ, природнымъ свѣтлымъ умомъ, рядовымъ Божьяго полка, воиномъ, которому по гробъ жизни нѣтъ отставки. Природные духовные по В. тѣ, которые происходятъ отъ самого Магомета. Дервишемъ дѣлается тотъ изъ природныхъ духовныхъ, кто жизнь до 40-калѣтняго возраста провелъ въ постоянномъ изученіи священныхъ книгъ и то по избранію самого Бога. Естественный дервишь, какъ избранникъ Бога, выше всѣхъ духовныхъ, назначенныхъ людьми.

12-го передалъ, что татары его ненавидятъ вотъ уже 30 лѣтъ за то, что онъ сочинилъ молитву за Александра II, потомъ за Александра III. Ненавидятъ его школу и всячески стараются ея закрыть. Ненавидятъ его татары еще и за то, что онъ въ послѣднюю русско-турскую войну доносилъ на нихъ, когда тѣ пересылали туркамъ деньги. Татары поджигаютъ его, скупаютъ его книги и уничтожаютъ ихъ; бранятъ и ругаютъ его, когда онъ идетъ по улицѣ, бросаютъ въ него и его дѣтей камнями. Жаловался полиціи, но жалобы его остались безъ послѣдствій, такъ какъ полиція подкуплена и дѣйствуетъ за одно съ татарами.

13-го разказалъ, что 4 ночи подрядъ передъ поступленіемъ его въ лечебницу приходилъ къ нему татары, стучали въ двери, срывали ихъ и бросали. Увѣренъ, что если-бы онъ вышелъ, то его убили-бы. В. заявлялъ объ этомъ полиціи и просилъ принять мѣры. «Если же еще разъ придутъ татары, то онъ будетъ стрѣлять». Полицейскій надзиратель пріѣзжалъ на другой день къ нему въ домъ, собралъ цѣлую толпу татаръ, кричалъ и велъ себя неприлично. В. пожаловался губернатору. Послѣдній вызвалъ его къ себѣ; В. отправился туда съ помощникомъ-ученикомъ. Оттуда его отправили къ Х. У послѣдняго за нимъ заперли 2-е дверей, и у каждой двери человекъ. Въ пріемной съ В. сидѣлъ какой-то татаринъ, который спросилъ его о чемъ то, а потомъ заплакалъ. «У меня, говоритъ В, сердце такъ и сжалось—нехорошее тутъ что-то. Потомъ позвали меня, продолжаетъ В, къ Х. и дверь опять заперли; въ комнатѣ были—Х., полицмейстеръ М., В. и здоровый человекъ у окна (ударить—такъ убьетъ). Х. сказалъ, что министръ прислалъ бумагу и не велѣлъ ѣхать на коронацію. М. къ этому прибавилъ, что онъ 16 лѣтъ знаетъ В. и что его давно слѣдуетъ прикончить. На это я, говоритъ В., отвѣтилъ, г. полицмейстеръ, я тебя 20 лѣтъ знаю и ты какъ есть разбойникъ, сколько ты человекъ убилъ. М. вскочилъ, хотѣлъ выхватить саблю и ударить ею В., но въ это время появился въ комнатѣ еще съдой старикъ (въ дверь между тѣмъ никто не входилъ). Тутъ Х. велѣлъ мнѣ взять свои бумаги и уйти. Я взялъ свои и часть лежавшихъ на столѣ, чтобы имѣть доказательства, и ушелъ. Въ пріемной татаринъ, когда увидѣлъ меня пѣлымъ, закрылся руками и горько заплакалъ. Выйдя на улицу я долго ждалъ, но бѣлый старикъ такъ и не выходилъ. На другой день послѣ этого меня взяли на улицѣ и отправили въ губернское правленіе».

22-го. Часто просить, чтобы допустили къ нему жену и дѣтей, такъ какъ сильно страдаетъ въ разлукѣ съ семьей. О своемъ страданіи В. гово-

рить также равнодушно, какъ и о самыхъ обиденныхъ вещахъ. Тоже равнодушіе замѣчается и при разказахъ о его высококомъ призваніи, о гоненіяхъ, о матеріальныхъ потеряхъ и нравственныхъ обидахъ.

25. Видится почти ежедневно съ родными. Увѣряетъ, что если-бы не отвели въ лечебницу, то погибъ-бы; вмѣстѣ съ тѣмъ просить нельзя ли его выписать, такъ какъ онъ совершенно здоровъ. Отказъ ему читать свою молитву при коронованіи приписываетъ проискамъ враговъ.

Сентябрь 1. Спрашиваетъ будетъ-ли данъ ходъ его заявленію до высшаго начальства, отъ котораго надѣется получить удовлетвореніе своихъ требованій и устраненіе вѣхъ обидъ и несправедливостей.

7. Далъ врачу молитву, составленную за Государа и просилъ послать ее министру внутреннихъ дѣлъ, увѣряя, что тогда онъ В. будетъ первымъ человѣкомъ и не забудетъ услугъ.

23. выписанъ въ неулучшенномъ состояніи.

15 сентября ординаторомъ лечебницы Карповымъ дано было заключеніе объ умственномъ состояніи В. за время пребыванія въ Лечебницѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ—«хотя многое изъ вышеизложеннаго (въ исторіи болѣзни) должно быть отнесено на счетъ неразвитости, суевѣрій, религіознаго фанатизма, дѣйствительныхъ преслѣдованій, однако вышеупомянутые факты не въ состояніи одни вызвать описанныя ненормальныя явленія въ душевной жизни В., а именно: ослабленіе въ сферѣ душевныхъ чувствъ, сугляжничество, вытекающее изъ идей преслѣдованія, горделивыя идеи съ религіозной подкладкой, слабость сужденія. Поэтому нельзя не признать, что крестьянинъ В. страдаетъ сумашествіемъ». Не смотря на это заключеніе особымъ присутствіемъ Губернскаго Правленія В. былъ признанъ здоровымъ, о чемъ извѣстили и директора Лечебницы. Послѣ освобожденія В. просить директора дать ему свидѣтельство въ томъ, что онъ В. психически совершенно здоровъ, но получилъ отказъ. Съ цѣлью добиться выдачи этого документа, онъ шлетъ ему прошеніе, гдѣ между прочимъ говоритъ слѣдующее—«гдѣ же послѣ этого справедливость и признаніе къ Богу и Царю, когда вы отказали мнѣ по одному лишь вашему нежеланію. Это обстоятельство ни на что не похоже, и я прошу отъ васъ законнаго распоряженія относительно выдачи мнѣ означеннаго свидѣтельства, которое мнѣ необходимо нужно для доказательства, гдѣ слѣдуетъ, претерпѣннаго мною страданія. Я, страдающій Божія полка, развѣ не былъ въ Лечебницѣ? Если же былъ, то отказъ вашъ въ выдачѣ свидѣтельства незаконный, почему покорнѣйше прошу обратить на это вниманіе и выслать мнѣ просимое свидѣтельство по мѣсту жительства». На этотъ разъ дѣло пока этимъ и кончилось. Въ январѣ 1883 г. В. снова очутился въ камерѣ судебного слѣдователя по обвиненію въ истязаніи трехъ крестьянскихъ мальчиковъ, сопровождавшемся лишеніемъ ихъ свободы. При допросѣ В. доказывалъ, что эти мальчики хотѣли отравить его мышьякомъ и высказалъ снова прежнія бредовыя идеи величія религіознаго характера. Вслѣдствіе этого изъ предварительнаго заключенія В. былъ отправленъ въ Округную Лечебницу на испытаніе во второй разъ.

При поступленіи въ Лечебницу (16 февр. 83 г.) жалуется на боль въ колѣнѣ и на то, что ему вслѣдствіе этой боли можно ходить только съ палкой, а ему этого не позволяютъ, тогда какъ ему нужно обязательно ходить въ виду того, что ему, какъ дистанчному начальнику Божьяго полка, сотруднику всего міра, слѣдуетъ постоянно быть на своемъ посту, постоянно быть вездѣ. Не хочетъ находиться вмѣстѣ съ другими больными, отказывается подчиняться порядкамъ Лечебницы, не участвуетъ въ прогулкахъ и не ѣстъ пиши, приготовленной изъ мяса скотины, зарѣзанной не рукой правовѣрнаго. Не можетъ ходить въ больничномъ платьѣ. Возмущается клеветой, что онъ сдѣлалъ злое дѣтямъ, тогда какъ они отравили его мышьякомъ, и приводитъ это покушеніе въ связь съ покушеніемъ противъ власти Государя.

1—8 марта. Сидя въ общихъ комнатахъ, сталъ завѣшивать носъ и ротъ, говоря, что малѣйшіе слѣды дыма (котораго въ общихъ комнатахъ нѣтъ и слѣда) могутъ убить его при его обязанностяхъ. Сталъ снимать бѣлье Лечебницы во время молитвы, считая его вслѣдствіе короткости неприличнымъ, такъ какъ оно не прикрываетъ даже половыхъ органовъ.

5—19 Апрѣля. Фактъ лишенія мальчиковъ свободы отрицаетъ, говоря, что это выдумка полиціи, которая находится въ постоянной враждѣ съ нимъ.

3—17 мая. Сравниваетъ себя съ опипанной птицей; говоритъ, что здѣсь онъ совсѣмъ не у дѣла, что ему надо дѣлать его, т. е. Божье дѣло, которое показываетъ наука «Гирфанъ»; что онъ вовсе не крестьянинъ, такъ какъ на немъ нѣтъ креста, и не мужикъ. Онъ духовный; если тотъ, у кого 19 родовъ было духовныхъ, не духовный, такъ кто-же послѣ этого духовный. Говоритъ, что попалъ онъ сюда (въ Лечебницу) по людской глупости и по злобѣ на него злыхъ людей. Въ августѣ спокоенъ, малодоступенъ, постоянно жалуется, что его всѣ обижаютъ. Дѣйствуетъ своими наставленіями на больного татарина Х., чтобы тотъ не ѣлъ больничной пиши. По временамъ ведетъ бесѣду относительно религіи и говоритъ, что татары совсѣмъ не понижаютъ алкорана. Въ концѣ сентября (23) былъ выписанъ по распоряженію судебныхъ властей изъ Лечебницы и отданъ на попеченіе роднымъ. Послѣ этого до іюля 1894 г. о В. ничего неизвѣстно. Въ іюлѣ 84-го года онъ снова попалъ подъ судъ за неповиновеніе власти и оскорбленіе судебного пристава при исполненіи обязанностей. Обстоятельства дѣла заключаются въ томъ, что судебный приставъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ должностныхъ лицъ явился къ В. для врученія повѣстки о взыскаіи съ него денегъ. Жена В. не допустила ихъ къ мужу, но съ помощью полиціи означенныя лица вошли во дворъ дома, прошли въ садъ, гдѣ у отвореннаго окна и увидѣли В. Послѣдній рѣзко заявилъ, что повѣстки не приметъ, назвалъ пристава мошенникомъ, измѣнникомъ, разбойникомъ. Когда же приставъ заявилъ, что дѣйствуетъ по закону, В. отвѣтилъ, что законовъ знать не хочетъ и не признаетъ; что всѣ они разбойники и измѣнники. Во время этой сцены В. былъ совершенно трезвъ. Между прочимъ ближайшимъ моговѣмъ непріятія повѣстки было то обстоятельство, что онъ В. не крестьянинъ, какъ написано

въ ней, а повѣренный Ислама, сотрудникъ всему міру, духовный отецъ старовѣрческаго мусульманскаго общества; и что никто не имѣетъ права отъ него требовать, такъ какъ онъ лично извѣстенъ Его Величеству. Эго происшествіе дало поводъ усомниться въ нормальности психическаго состоянія В., и его для наблюденія и изслѣдованія помѣстили въ 3-й разъ въ лечебницу для душевно-больныхъ,

При поступленіи въ Лечебницу 8 августа В. выражаетъ недовольство, что его изслѣдуютъ, не стоитъ спокойно при изслѣдованіи, видимо сердится; если его просятъ вздохнуть, задерживаетъ дыханіе. Подобное поведеніе оправдываетъ тѣмъ, что онъ совершенно здоровъ и неправильно заключенъ въ Лечебницу, что его захватили въ молитвенномъ домѣ по распоряженію Окружнаго Суда, сдѣлали насиліе и затѣмъ заключили въ Лечебницу. Дѣлая такія противозаконныя дѣянія, судъ, по мнѣнію В., ничѣмъ не руководился, такъ какъ вины за нимъ нѣтъ, а потому онъ и намѣренъ жаловаться на судъ и, можетъ быть, на Лечебницу Государю.

14 августа. Называетъ себя начальникомъ дистанціи Божьяго полка. Онъ посланъ Богомъ охранять интересы вѣры и Царя. Проситъ поскорѣе освободить его изъ заключенія; говорить, что будетъ судимъ лишь однимъ Богомъ, какъ Его представитель; проситъ дать ему Коранъ, чернилъ, бумаги, чтобы записывать все то, что будетъ ему вдохновлено во время чтенія Корана.

Октябрь. Охотно учитъ грамотѣ двухъ больныхъ, по старому постоянно недоволенъ, пишетъ разнаго рода прошенія и жалобы, посылая ихъ потихоньку отъ врачей черезъ родныхъ и знакомыхъ. 23 ноября былъ выпущенъ на свободу и водворенъ на мѣсто жительства подъ надзоръ полиціи.

Но свобода В. продолжалась весьма недолго,—онъ снова и навсегда былъ помѣщенъ въ Лечебницу, какъ опасный для спокойствія общества душевно-больной. Всѣ невзгоды, обрушившіяся на В. утвердили его на мысли, что его преслѣдуютъ и власти и соплеменники. За это время онъ не переставалъ пропагандировать свое ученіе при посредствѣ молитвеннаго дома, который онъ открылъ негласно взаимѣнъ прежняго училища; въ этомъ домѣ собирався тѣсный кружокъ его послѣдователей, что и вызвало окончательное помѣщеніе В. въ Лечебницу. Въ началѣ января 84 г. при описи дома В. судебнымъ приставомъ, онъ вмѣстѣ съ 5—6 учениками оказалъ вооруженное сопротивленіе. Судебнаго пристава и понятыхъ какой-то татаринъ впустилъ во дворъ, куда ихъ сначала не пускали. Тутъ на описывающихъ было сдѣлано нападеніе—В. выскочилъ изъ дома съ саблей въ рукахъ, въ рукахъ его учениковъ оказались дубины, коса, кистени. Должностныя лица были сильно избиты. Суд. приставъ получилъ довольно серьезную рану въ спину. Послѣ этого В., какъ субъектъ, уже извѣстный за душевно-больного, былъ отправленъ въ Лечебницу. Передъ этимъ побоищемъ суд. приставъ получилъ отъ В. бумагу съ предупрежденіемъ не являться къ описи въ виду несприятныхъ послѣдствій, какія можетъ повлечь для него эта опись. Предупрежденіе сформулировано такъ—«должны отвѣтить тебѣ передъ острой саблей, потому что собакѣ собачья смерть; храбрымъ награда; и отодрать тебѣ голову

долой». Въ февралѣ 1885 г. В. былъ потребованъ для испытанія въ губернское правленіе. Войдя въ присутствіе, онъ сталъ, закрывши лицо руками, затѣмъ повернулся спиной къ присутствующимъ и портрету Государя. Когда В. замѣтили, что онъ относится съ неуваженіемъ и къ присутствующимъ, и къ портрету Государя, онъ отвѣтилъ, что уже достаточно постоялъ лицомъ къ портрету, когда вошелъ въ комнату, а теперь сталъ спиной къ присутствующимъ потому, что не признаетъ, какъ мусульманинъ старовѣрческаго общества, гражданскихъ властей и никого, кромѣ верховной власти — «я гражданскому начальству не могу ничего, говорить В., потому что оно явилось истребить меня». При допросѣ въ камерѣ судебного слѣдователя сталъ упрекать послѣдняго въ томъ, что онъ слѣдователь измѣнникъ правительству; что хочетъ его В. заключить въ тюрьму и сослать на каторгу, Угрожалъ отвѣтственностью за захватъ молитвеннаго дома при посредствѣ большого количества войска (послѣ побоища В. съ своими учениками изъ молитвеннаго дома былъ взятъ военной командой). Говорить, что его всѣ преслѣдуютъ—татары и власти неоднократно покушались на его жизнь, сожгли 20,000 его книгъ, имъ сочиненныхъ. На подобное своеволіе онъ нигдѣ не находитъ правды, а дождался лишь одной тюрьмы. Повернувшись быстро къ присутствующимъ спиной и показавъ клеймо на халатѣ, быстро и порывисто вышелъ изъ камеры. Въ лечебницѣ В. сталъ высказывать тотъ же горделиво-религіозный бредъ, тѣже идеи преслѣдованія, что и въ предыдущіе разы. Преслѣдуемый, гонимый, по его мнѣнію, со всѣхъ сторонъ, не виляющій нигдѣ правды и правосудія, онъ начинаетъ осаждать всѣвозможныя учрежденія массой прошеній, отзывовъ, докладовъ и т. п. бумагъ подъ часъ чисто клеузническаго содержанія, подчасъ наполненныхъ отборной руганью и выраженіями безграничной ненависти къ властямъ и соплеменникамъ. Я не привожу ни одного изъ такихъ документовъ вслѣдствіе невозможной для печати ихъ редакціи. Число этихъ бумагъ помѣченныхъ исходящими изъ канцеляріи В., превышаетъ далеко цифру 100. Всѣ онѣ скрѣплены именной печатью, на которой вырѣзано званіе и титулъ В.— «дардемандъ дервишъ Богаутдинъ Хамзинъ В. Альбумари». Бумаги имѣютъ опредѣленный заголовокъ: «отъ Императорскаго молитвеннаго зданія Мактубъ Гирфанъ, канцеляріи меня всего міра духовнаго отца, природнаго духовнаго лица, сотрудника всего міра сего, Божьяго полка опредѣленной дистанціи начальника, который повелѣвающимъ указомъ Бога-Царя самаго этого Божьяго поюка, дардемандъ дервишъ Булгары Ибнъ дервишъ Хамза В.» Отрицаніе властей у него было полное, единственной властью для своихъ послѣдователей онъ поставилъ Бога, Царя и себя. Свидѣтельство, данное имъ, считалъ вполне достаточнымъ для проживанія во всѣхъ концахъ міра. Я привожу одно изъ такихъ свидѣтельствъ. Свидѣтельство написано на обыкновенномъ паспортномъ листѣ «Дано сіе свидѣтельство Х. Въ случаѣ надобности и по собственному своему желанію имѣетъ право быть во всемъ свѣтѣ, на что я самъ и благословляю его самого. Спаси Богъ, аминь. Его же свободѣ да никто не посмѣетъ воспрепятствовать, кромѣ меня самого

его духовнаго отца В.; и даже да будетъ это свидѣтельство матрикулярнымъ документомъ въ потомство его изъ рода въ родъ до окончанія сего міра. Аминь! По закону и въ силу закона во всемъ этомъ подписуюсь своею собственною личною подписью своей руки по мусульмански и удостовѣряю все это сіе приложеніемъ своей должностной печати своего Божьяго полка».

Примирившись до нѣкоторой степени съ пребываніемъ въ лечебницѣ, В. сталъ заниматься чтеніемъ священныхъ книгъ и обучать татаръ грамотѣ. Отъ времени до времени подавалъ директору доклады и по прочтеніи требывалъ ихъ назадъ для того, чтобы пользоваться этими докладами, какъ документами. Жалобы и доклады В. обыкновенно писалъ самъ по татарски, а по приходѣ къ нему родныхъ и учениковъ диктовалъ имъ, перевода на русскій языкъ. Онъ садился на кровать по-турецки, а родственники и ученики стояли все время на колѣнахъ. Кромѣ диктовки, онъ имъ читалъ Алкоранъ, поученія и молитвы. Въ 1888 году пораженный неудачей своихъ прошеній и докладовъ сразу написалъ прошеніе въ Государственный Совѣтъ. Въ этомъ прошеніи говоритъ, что его несправедливо считаютъ душевно-больнымъ—онъ, напротивъ, совершенно здоровъ. Вотъ его доказательства собственнаго здоровья и ума: онъ не глупъ, сталобыть не сумашедшій; этого доказательства одного достаточно въ виду настоящихъ и будущихъ чудесъ. Онъ выбранъ дервишемъ семью соборами; отъ пяти женъ имѣлъ 42 сына, изъ которыхъ въ живыхъ остались трое, и всѣ обладаютъ свѣтломъ умомъ. Послѣ доказательства въ пользу душевнаго здоровья переходитъ къ жалобамъ на преслѣдованія со стороны мусульманъ и властей. Мусульманъ онъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: 1) татары (не ваши и не наши) и 2) мусульмане; послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на мусульманъ «ме—минъ» и послѣдователей В. Вотъ эти-то «не наши и не ваши» извели всѣхъ пять женъ В. побоями, брата и родную сестру отравили мышьякомъ. Въ заключеніе заявляетъ, что Болгарская земля его потомственное родительское владѣніе, и въ концѣ концовъ проситъ отпустить его съ семействомъ и близкими людьми въ Мекку и Медину, испрашивая на это вспомошествованіе въ 10.000 рублей. Такого рода бумаги, посылаемая въ высшія государственныя учрежденія и содержащая нерѣдко на ряду съ просьбами, жалобами и угрозы за невниманіе къ нему, повели къ тому, что было запрещено принимать и пересылать эти бумаги.

Въ сентябрѣ 1889 года объявилъ врачу, что онъ, Свѣтлый своимъ умомъ, явился черезъ 1000 лѣтъ послѣ Магомета черезъ рядъ духовныхъ поколѣній дервишей; онъ родня Магомету въ 19-омъ колѣнѣ. Въ это же время однажды врачу задалъ вопросъ, что такое Италия; когда его любопытство было удовлетворено, сказалъ, что въ этой странѣ будетъ соборъ, на которомъ будетъ говорить объ его освобожденіи. Промышленную выставку въ Казани въ 1891 году считаетъ страшнымъ судомъ, на который соберутся всѣ цари и народы міра; на этомъ судѣ будетъ разбираться его дѣло, которое, какъ онъ вѣритъ, обязательно восторжествуетъ. Страданія свои сравниваетъ съ страданіями Іосифа Прекраснаго. Уходъ изъ Лечебницы директора В. считаетъ наконецъ то исполвшимся наказаніемъ и выражаетъ надежду, что такимъ образомъ погибнуть всѣ его враги, и онъ одинъ останется съ своими учениками.

Въ 93 году преклонный возрастъ сказался. В. сталъ мало-по-малу гаснуть, слабѣть физически; умственные же способности сохранились настолько, что выработавшійся въ извѣстную систему бредъ поддерживался въ достаточной степени. Отъ лекарствъ упорно отказывался, считая себя врачомъ и профессоромъ. Умеръ 17-го сентября 1893 года.

Такимъ образомъ изъ вышеописанныхъ фактовъ видно, что все сознаніе В., вся интеллектуальная сфера его заполнены идеями религіознаго величія въ пестрой смѣси съ идеями преслѣдованія. Свѣдѣній о В. до 1882 года—о его жизни, воспитаніи, наслѣдственности—совершенно нѣтъ въ силу крайней замѣнутости и полнаго нежеланія давать такія свѣдѣнія; также нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы съ положительностью указать причины и начало его болѣзни. Передъ нами человѣкъ уже съ стойкими, сформировавшимися идеями бреда. Вѣроятно, отличаясь особенною религіозною пытливостью и усиленной набожностью, онъ углубился въ чтеніе священныхъ книгъ, скоро почувствовалъ въ себѣ что-то особенное, отмѣчающее его отъ остальныхъ соплеменниковъ и позволяющее ему видѣть особый смыслъ въ читанномъ—смыслъ, уразумѣть который другіе не были въ состояніи. Явилось предположеніе, не награжденъ ли онъ особымъ даромъ свыше, не является ли онъ невольнымъ толкователемъ особыхъ Божьихъ велѣній. Отсюда выработалось мало-по-малу представленіе, что онъ въ силу особыхъ велѣній судебъ духовное лицо и притомъ не простое, а имѣющее за собой въ прошломъ предковъ духовныхъ и, можетъ быть, самого Магомета. Отъ условнаго родства съ Магометомъ онъ перешелъ къ фактическому, утверждая, что онъ родня Магомета въ 19 колѣнѣ. Потомокъ Магомета, притомъ такъ же, какъ и тотъ, неисповѣдимыми судьбами надѣленный особыми дарами—свѣтлымъ умомъ, пониманіемъ божьихъ словъ, необходимо долженъ руководить менѣе понимающими и постоянно уклоняющимися отъ священныхъ правилъ жизни людьми. Въ этомъ онъ увидѣлъ свое высокое призваніе стоять на стражѣ справедливости и вѣры, объяснять законъ Божій и

бороться противъ всякой неправды. Тотъ, кто идетъ спасать другихъ, не долженъ щадить себя; поэтому онъ не щадитъ ни состоянія, ни жизни; онъ знаетъ только свою высокую миссію. Подмѣтивъ въ народѣ всякіе пороки, В. выступилъ съ обличительнымъ словомъ какъ противъ несоблюдающихъ святыхъ правилъ Корана, такъ и противъ руководителей народа муллъ. Скоро собралась вокругъ В. кучка людей, жаждущихъ новаго слова, нашедшихъ руководителя своимъ неяснымъ мистическимъ стремленіямъ. Онъ основываетъ общество мусульманъ старовѣровъ, слѣпо повинующихся однимъ только велѣніямъ Корана. Съ этихъ поръ въ жизни В. и его ученія важная переменна. Онъ замѣченъ своими противниками, подвергшимися его преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ. Въ муллахъ онъ возбуждаетъ опасенія, какъ религіозный новаторъ. В. подвергся гоненіямъ со стороны мусульманскаго духовенства, что видно изъ его безконечныхъ жалобъ по этому поводу, въ которыхъ, не смотря на массу преувеличеній, есть доля правды. Въ религіозныя распри были вмѣшаны гражданскія власти, къ защитѣ которыхъ прибѣгалъ В. Власти ему не помогли, и онъ начинаетъ подозрѣвать, что начальство стоитъ на сторонѣ муллъ, муллы были; по его мнѣнію, пособники неправды и нарушители правилъ Корана, данныхъ Богомъ; стало быть, власти тоже виновны въ томъ, въ чемъ обвинялось мусульманское духовенство. Отсюда зарождается недовѣріе и ненависть къ властямъ, а подъ конецъ и полное непризнаніе ихъ. По мнѣнію В., муллы нарушаютъ волю Бога, а гражданскія власти волю Царя, которому служатъ, такъ какъ не хотятъ стоять за правое дѣло. Онъ сталъ утверждать, что начальники измѣнили Царю и народу. Такимъ образомъ въ ученіе старовѣрческаго мусульманскаго общества вошло полное отрицаніе гражданскихъ властей; старовѣры мусульмане признаютъ только Бога и Государя. Въ виду постоянной измѣны и неправды, которыя В. видѣлъ вокругъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью охранять общество и особу Государя во имя Божьяго закона. Онъ сочиняетъ молитвы за Царя, которыя могутъ ох-

ранить Его отъ всякихъ бѣдъ и измѣны. Онъ называетъ свою общину Божьимъ полкомъ, въ которомъ самъ состоитъ предводителемъ, „начальникомъ дистанціи“ и воиномъ, которому по гробъ нѣтъ отставки; цѣль этого полка—охранять особу Государя и блюсти чистоту нравовъ. Для образованія членовъ полка В. основываетъ учебное заведеніе, въ которомъ преподавалась священная наука „Гирфанъ“. Между тѣмъ идеи о своей высшей власти, высшемъ назначеніи и, наконецъ, о несправедливыхъ преслѣдованіяхъ начинаютъ прогрессировать. В. сталъ окончательно выше всѣхъ людей, онъ подчиняется только Богу и Государю, всѣ же остальные не имѣютъ никакой власти никакого права надъ нимъ. Въ этой мысли его, повидимому, утверждали галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Такъ въ сценѣ у Х. является бѣлый старикъ, неизвѣстно какъ попавшій въ кабинетъ, и однимъ мановеніемъ головы освобождаетъ его. Къ нему по ночамъ являются татары, срывають двери и окна, но вреда никогда не могутъ нанести. Всѣ несчастія только утверждали В. въ правотѣ его и несомнѣнности его высокаго Божественнаго назначенія; онъ всецѣло отдался своимъ мистическимъ грезамъ, за предѣлами которыхъ для него ничего не существовало. У В. формальная сторона мышленія сохранена, поэтому онъ такъ послѣдовательно дѣлаетъ свои заключенія изъ нелѣпныхъ посылкокъ; съ ослабленной критикой внѣшнихъ отношеній, подчинившись одной опредѣленной идеѣ, онъ построилъ на этой идеѣ новый міръ, въ которомъ онъ живетъ и за предѣлы котораго ему нѣтъ возможности выбраться. Эта идея и этотъ новый міръ В. находятся въ строгой зависимости отъ среды и вѣрованій, среди которыхъ ему довелось жить. Къ характеристикѣ В-скаго бреда приведу слова Magnan и Sérieux—*l'aspect, sous lequel se présent le malade atteint de delire chronique varie non seulement suivant le periode de la psychose, mais encore avec ses croyances son education, le milieu social, dans lequel il a vécu, ses preoccupations habituelles. Il emprunt a ces divers elements, pour édifier son delire et lui donner la marque de*

son individualité propre (Le delire chronique). На характеръ бреда В. вполне отразилось воспитаніе, которое дается мусульманскимъ дѣтямъ. Вся система воспитанія зиждется на Коранѣ; вся жизнь мусульманина съ рожденія до смерти предусмотрѣна и регулирована религіей; помимо религіи нѣтъ иного знанія. Поэтому до нѣкоторой степени понятно, почему при благоприятныхъ условіяхъ В. развивалъ свой бредъ именно въ сторону того, что онъ болѣе всего зналъ, что болѣе подходило для его отвлеченнаго пониманія.

Въ настоящемъ случаѣ какъ идеи преслѣдованія вытекаютъ изъ первоначальныхъ идей величія (его не признаютъ, ему мѣшаютъ), такъ и наблюдаемое нами сутяжничество есть послѣдствіе идей преслѣдованія. В. постоянно ищетъ справедливаго отношенія къ себѣ и не только къ себѣ, но и къ своимъ ученикамъ. Въ одномъ изъ прошеній онъ пишетъ, чтобы его и его учениковъ отпустили въ Мекку, гдѣ они безпрепятственно могутъ служить своему дѣлу. Въ силу своего повышеннаго самочувствія. В. считаетъ себя въ правѣ требовать преклоненія передъ нимъ, общаго уваженія, а тутъ еще его помѣстили въ Лечебницу. Это ли не несправедливость, это ли не поруганіе его священныхъ правъ. И онъ ихъ безуспѣшно старается отстоять. Къ подобному случаю подходитъ объясненіе, данное Fritsch'емъ (Ueber den Querulanten-Wahnsinn). Человѣкъ съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, съ повышеннымъ самочувствіемъ, съ усиленной раздражительностью претерпѣваетъ нарушеніе своихъ правъ. Усиленно реагируя на это нарушеніе, онъ начинаетъ искать удовлетворенія, сутяжничать. При существованіи идей преслѣдованія въ связи съ идеями величія сутяжничество является какъ нельзя легче. По Krafft-Eibing'у сутяжничество—видъ хроническаго паранойи. Человѣкъ носитъ въ себѣ зачатки болѣзни. Субъектъ предрасположенъ къ заболѣванію, которое развивается исподволь, не нарушая формальной стороны мышленія. Страданіе В. безъ сомнѣнія очень хроническое, бредъ систематизированъ и послѣдователенъ. Поэтому

эту форму заболѣванія В. можно отнести къ хроническому бредовому помѣшательству—*reganoja* по характеру *religiosa*.

Очевидно, что ученіе В. нашло много послѣдователей, что явствуетъ изъ словъ самого В. и изъ судебныхъ актовъ, которые мнѣ довелось имѣть въ своихъ рукахъ. Эти послѣдователи вполнѣ раздѣляютъ взгляды учителя на свои правовыя отношенія къ государству—не признаютъ гражданскихъ законовъ, считаютъ себя членами Божьяго В—скаго полка, его рядовыми, призванными подавать образецъ чистоты вѣры и жизни, а когда нужно дѣйствовать и силой, если то прикажетъ отецъ В. Они повинуются духовному отцу великому дарвишу В., они призваны охранять особу Государа Императора.

Приведу краткія свѣдѣнія объ одномъ изъ учениковъ В., И-вѣ. И-вѣ, поселившись въ Академической слободѣ для болѣе удобныхъ сношеній съ своимъ учителемъ, которому онъ доставлялъ пищу домашняго приготовления и за семьей котораго онъ присматривалъ, при требованіи удалиться изъ этой слободы, наотрѣвъ отказался и подрѣшилъ свой отказъ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Въ камерѣ судебного слѣдователя заявилъ, что гражданскихъ законовъ и ихъ требованій не признаетъ и до нѣкоторой степени откровенно высказалъ сущность того, что онъ усвоилъ отъ В. Вотъ его рассказъ. Вернувшись домой изъ военной службы, онъ замѣтилъ, что народъ сталъ забывать Бога, жить не по Шаріату—пьянствуетъ, воруетъ, ходитъ въ дома терпимости, ругается и т. п. Поэтому часть татаръ, оставшихся вѣрными Шаріату и осуждавшихъ такую жизнь, отдѣлилась и сгруппировалась вокругъ В. въ общество мусульманъ старовѣровъ. В. первый далъ замѣтить этой части правовѣрныхъ всѣ вышеуказанныя отклоненія отъ жизни по Шаріату. В. они считаютъ за великаго дервиша и праведника, даже мученика; такіе дервиши для нихъ рѣдкость, кладъ, и они готовы за В. отдать при надобности все. Ведя строгую жизнь и въ точности исполняя всѣ предписанія Шаріата, они тѣмъ самымъ нажили себѣ

враговъ, особенно, среди татаръ, которыхъ считаютъ за неимѣющихъ религіи, потому что они называютъ себя крестьянами, татарами, магометанами, мусульманами и такимъ образомъ исповѣдуютъ какъ бы четыре религіи, а такіе люди не могутъ быть хорошими. Шаріать запрещаетъ паспорта, посему они ихъ и не признаютъ. Указана при этомъ и болѣе коренная причина отрицанія паспортовъ; она заключается въ томъ, что въ паспортахъ написано слово крестьянинъ. Они въ силу предписаній Шаріата снимаютъ шапки только во время сна и не снимаютъ ихъ въ присутственныхъ мѣстахъ ¹⁾). Итакъ вотъ наиболѣе подробная исповѣдь вѣры мусульманина старовѣра, болѣе полной не высказалъ ни одинъ изъ В-цевъ, такъ какъ разсуждать и говорить о вѣрѣ съ посторонними было строго запрещено. При врученіи И-ву, какъ обвиняемому, повѣстки въ судъ, послѣдній заявилъ, что ее не приметъ, такъ какъ въ ней написано „крестьянинъ“, а онъ не крестьянинъ, но духовный сынъ В-ва. На судѣ на всѣ вопросы предсѣдателя И-въ отвѣчалъ съ крикомъ—„никакъ меня не зовутъ, какой я подсудимый, не признаю вашъ судъ, знать никого не хочу; антихристы проклятые, анафемы. Государь пусть меня судить, верховный судъ, Великій Государь и Оттаманская Порта, въ Іерусалимѣ буду судиться“. Сильно волновался изъ за того, что съ него сняли шапку. Этотъ И-въ находился въ Казанской Окружной Лечебницѣ на испытаніи по обвиненію въ сопротивленіи властямъ при выше упомянутой высылкѣ его изъ Академической слободы. Изъ Лечебницы онъ былъ выпущенъ, какъ неисправимый фанатикъ, разъ навсегда подчинившійся извѣстному авторитету и вѣ въ него не желающій ничего ни видѣть, ни слышать. Онъ весь отдался и подпалъ вліянію бреда В-ва. Другой изъ бывшихъ въ Лечебницѣ послѣдователей В-ва, Г. О., ограниченный, малоразвитый татаринъ, находился на испытаніи тоже по поводу сопротивленія властямъ—онъ разбилъ кувшиномъ голову одному изъ тюремныхъ надзирателей за то только, что тотъ назвалъ его татаринномъ. Въ Лечебницѣ Г. О. оказался В-цемъ чистой воды, глубоко убѣжденный въ

¹⁾ Изъ мнѣнія объ испытуемомъ И-вѣ д-ра Нечаева.

правотѣ и святости В-ва. Передавать его бредъ не стану, такъ какъ пришлось бы повторяться — его бредъ весьма точная копія бреда В-ва. Изъ Лечебницы былъ выписанъ съ диагнозомъ *raganoja religiosa*. Наконецъ, въ Казанской Лечебницѣ въ настоящее время находится на испытаніи татаринъ Г-нъ, убѣжденный, и притомъ весьма глубоко, въ томъ, что, увѣровавъ въ ученіе В-ва, онъ нашелъ давно искомую имъ, потерянную въ мірѣ правду. Теперь онъ съ этой найденной правдой и съ вѣрой въ В-ва во вѣкъ не разстанется, онъ останется вѣрнымъ, не смотря ни на что. Онъ считаетъ В-ва потомкомъ Магомета, возстановителемъ древняго мусульманскаго благочестія и принимаетъ безъ колебаній съ глубокой вѣрой всѣ пункты В-скаго катехизиса. Для него онъ не душевно-больной, а великій человѣкъ, послѣ Бога и Магомета первый на землѣ. Онъ говоритъ, что дома остались жена и три взрослыхъ дочери, которыя всецѣло раздѣляютъ съ ними его убѣжденія. Есть де въ деревнѣ еще такіе чистые мусульмане, какъ онъ. Къ испытанію въ Лечебницѣ привело его тоже, что и у предыдущихъ татаръ — непризнаніе гражданскихъ властей.

Шестеро татаръ, арестованныхъ въ 1885 году вмѣстѣ съ В-мъ за вооруженное сопротивленіе при описи дома В., на слѣдствіи показали, что сопротивлялись „ по закону и въ силу закона, по повелѣнію Бога—Царя и по приказанью духовнаго отца В.; они защищали молитвенный домъ отца В., шли на защиту единодушно, такъ какъ у нихъ одно тѣло и одна душа, что дѣлаетъ одинъ, то дѣлаютъ и всѣ. Всѣ подписались подъ протоколомъ слѣдующимъ образомъ: „проклятіе божіе нечестивому народу (3 раза), аминь. Мы божьяго полка страдающій, захваченный послѣдователь пророка Авраама, такой-то. Всѣ обвиняемые отказались принять обвинительный актъ въ силу того, что въ немъ они названы были крестьянами, а не старовѣрами мусульманами; на судѣ отказались отъ защитника, такъ какъ у нихъ одинъ защитникъ духовный отецъ В. Это поразительное единодушіе и фанатическое слѣдованіе словамъ В-ва заставляло пренебрегать всѣхъ послѣдователей В-ва

всѣми наказаніями и лишеніями. Въ рукахъ В-ва его ученики служили опаснымъ орудіемъ, стараясь, освободить В. изъ Лечебницы въ 1889. Въ этомъ году послѣдователи В-ва стали являться толпами въ лечебницу съ требованіемъ освободить В-ва, угрожая въ противномъ случаѣ увести его силой. На нихъ были шапки съ зелеными нашивками—цвѣтъ ислама.

Идеи этихъ ярыхъ послѣдователей В. являются точной копіей бреда ихъ учителя. Они составляютъ рядовыхъ В-скаго полка, цѣлямъ котораго они служатъ также самоотверженно, какъ и ихъ учитель В., также не жалѣютъ ни жизни, ни средствъ для защиты тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется ихъ община. Они воодушевлены одинаковой ненавистью ко всему, что не согласно съ закономъ Бога-Царя и волей ихъ отца и учителя В. У нихъ у всѣхъ одно тѣло и одна душа, что скажетъ одинъ, то скажутъ и всѣ. Для нихъ В. великій святой, призванный реформировать мусульманское общество, обновить его, возстановить утерянную нравственность. Онъ въ ихъ представленіи властитель Болгарскаго царства; они искренно увѣрены, что учитель ихъ въ силу преслѣдованій своихъ враговъ напрасно и тяжело страдаетъ. Эти фанатическіе послѣдователи В. шли на все, лишь бы остаться вѣрными волѣ и ученію ихъ учителя, слово котораго для нихъ законъ; это слово они выслушиваютъ и принимаютъ съ безконечнымъ благоговѣніемъ; такимъ образомъ послѣдователи В. въ своихъ словахъ, убѣжденіяхъ, поступкахъ точно копируютъ своего учителя.

Страдующій систематизированнымъ образомъ создаетъ связанный, послѣдовательный бредъ, поражающій на первый взглядъ своей стройностью и логичностью, и надо имѣть достаточно критики, чтобы сразу открыть ложную или нелѣпую посылку, лежащую въ основѣ логическаго построения. Если у лицъ, окружающихъ больного, этой критической способности не хватаетъ, если они вслѣдствіе мало развитости могутъ вѣрить всему, что мало-мальски не выходитъ за предѣлы правдоподобія, то вѣроятность усвоенія бреда помѣшан-

наго этими лицами весьма велика, даже если они и психически здоровы. Притомъ стойкость и прочность усвоенія бреда прямо пропорціональны сходству вѣрованій и развитія усвоившихъ бредъ и его автора. Вообще для успѣха усвоенія бреда необходимы слѣдующія условія, которыя я скажу словами Lasegue и Falrét (la folie à deux, Annales med. psych. 77 г.): „во-первыхъ, надо, чтобы активный элементъ — инициаторъ бреда былъ интеллигентнѣе усвоителя; во-вторыхъ, чтобы интеллектуальная работа у двухъ совершенно различныхъ субъектовъ шла параллельно; необходимо, чтобы эти лица жили долгое время общей жизнью, въ одной и той-же средѣ, раздѣляли бы одинъ и тотъ же образъ существованія, одни и тѣже чувства, интересы, вѣрованія и надежды; въ третьихъ, чтобы усвоеніе бреда было возможнымъ, необходимо, чтобы бредъ носилъ характеръ вѣроятности, чтобы онъ держался предѣловъ возможнаго, соотвѣтствовалъ фактамъ и отвѣчалъ надеждамъ и опасеніямъ въ будущемъ“. Marandon de Montyel раздѣляетъ случаи усвоенія бреда на нѣсколько категорій: folie imposée, folie simultanée, folie communiquée. Одинъ галлюцинируетъ и бредитъ, другой только вѣритъ бреду—это folie imposée; оба галлюцинируютъ и бредятъ одновременно подъ вліяніемъ одной и той же причины—это folie simultanée; галлюцинація и бредъ у второго, развившіеся подъ вліяніемъ перваго—это folie communiquée. Большинство случаевъ массовыхъ увлеченій, относясь сначала къ первой категоріи (folie imposée), даютъ незамѣтный переходъ къ третьей категоріи (folie communiquée), когда вѣра въ возможность фактовъ, сообщаемыхъ делирантомъ, превращается въ полную увѣренность. Лица, окружающія больного сначала только сочувствуютъ бреду, но съ теченіемъ времени начинаютъ его раздѣлять. Религіозный бредъ наиболѣе скоро у усваивающихъ его изъ стадія imposée переходитъ въ стадій communiquée. Ученики и послѣдователи В-ва жили и воспитывались въ одной и той же средѣ, при одной и той же обстановкѣ, раздѣляли одни и тѣже вѣрованія. Сойдясь съ В-вымъ, сумѣвшимъ внушить

имъ полную вѣру въ свои слова, откровенія и поступки, они какъ люди, не отличавшіеся умѣньемъ критически относиться къ слышанному и видѣнному ими въ достаточной мѣрѣ, быстро вполне увѣровали В-ву и притомъ такъ, что разувѣрить ихъ уже не было возможности. Болѣзненный бредъ учителя вполне передался этимъ фанатическимъ adeptамъ В-ва.